

зованная совокупность географических названий, это сочетание функционирующих на отдельной территории топонимов, обозначающих языковыми средствами различные топографические и гидрографические объекты» [Фролов 1996: 153-154]. Однако топонимия не только системна, но и структурна. Под структурой географических названий мы понимаем определенный морфологический и словообразовательный состав.

Морфолого-грамматическая структура сибирскотатарских микротопонимов исследуемой территории представлена преимущественно словообразовательными моделями, являющимися именами существительными и прилагательными. Наиболее продуктивным классом географических названий являются топонимы, состоящие из двух существительных.

Анализ словообразовательной структуры микротопонимов д. Большие Мурлы (Оллогуль) показал, что самой многочисленной группой являются двухосновные микротопонимы с апеллятивами в составе.

Русскоязычные заимствования в микротопонимии достаточно незначительны (3 топонима), что говорит о стабильности тюркской топонимической системы данной территории и доказывает архаичность и устойчивость (в плане динамики) сибирскотатарской микротопонимической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел Большереченской адм. Ф. 111 личный фонд Аношина В. С. Том 92, принят 1969 г.
2. Административная карта Омской области под ред. Чугунова. М.: Роскартография, 2000. Комплект общегеографических карт Омской области. Большереченский район. Лист 12 под ред. Смирнова Н. Б. Омск, 2001.
3. Томилов Н. А., Тихонов С. С., Тихомиров К. Н. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири. Омск, 2005.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. 1, 2. М., 1999.
5. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень, 1996.

О. В. Трофимова, г. Тюмень

«ДОЛЖЕН» И «ИМЕЮ» КАК СИНОНИМЫ? (О ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ XVIII В.)

Деловая речь как специфический функциональный стиль национального языка занимает особое место в системе литературного языка и играет особую роль в его становлении. В каждом деловом тексте, созданном по крайней мере до XIX в., совмещаются три эпохи в истории языка: прошлое (при этом на каждой российской территории, в зависимости от её территориального и политического отдаления от столицы, по-своему), настоящее и будущее. О будущем мы говорим в том смысле, что деловая письменность, вбирающая в себя все попытки человека пишущего (при этом — массового, по сравнению с авторами художественных и публицистических текстов) «откристаллизовать» выражение своей мысли, фиксирует в себе и всю совокупность этих индивидуальных исканий слова и фразы, в том числе и тех новообразований, которые постепенно станут нормативными, а позднее могут превратиться в архаизмы.

Предмет нашего исследования — предложения со значением волеизъявления субъекта речи-мысли, имеющего право, во-первых, моделировать реальную действительность *в слове*, во-вторых, заставлять других реализовывать ее *в деле*.

В первых русских деловых текстах это инфинитивные предложения типа «**Аже боудѣте холѣпъ ж оубитъ а. гривна сѣрьбра запланти...**» (Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича 1229 г.) [Хрестоматия 1999: 52]. В лексико-синтаксической структуре данного предложения не назван ни субъект воли (он определен в контексте документа), ни объект волеизъявления. (Как правильно по отношению к тексту XIII в. следует сформулировать вопрос: кто *должен* или кто *будет* платить? Вероятнее всего — *будет*.) Атрибуция последнего восстанавливается опосредованно, через указание на его преступление: тот, кто убьет холопа, в тот же самый момент (именно данная временная и условно-следственная зависимость закрепляется соглашением субъектов воли!) станет потенциальным субъектом действия, названного глаголом *заплатити*. Значение долженствования в предложении не вербализовано и, скорее всего, еще и не сформировано на уровне мысли¹.

Потенциальный субъект действия может быть более определенным, т. е. иметь имя (собственное или нарицательное) и синтаксическую позицию в предложении, например: «... **новгородѣмъ гостити на гоцкыи берегѣ бес пакости...**» (Договорная грамота Александра Невского 1262 г.) [Хрестоматия 1999: 58]. Но и в первом, и во втором примере ситуация реальной действительности представлена только со стороны изъявляющего свою волю адресанта. В точки зрения человека нового времени, в ситуации подчинения возникает вопрос о *долженствовании*. Следовательно, само новое время и изменения в сути и грамматической структуре документа начинаются тогда, когда важным становится проявить в тексте отношение к ситуации и со стороны «волеисполнительного» адресата, состояние которого меняется в зависимости от навязываемого ему потенциального действия. Говоря о модальности высказываний древнерусского языка, В. В. Колесов обращает внимание на то, что «желательность»² выражает мотивацию действия, возможность — морально-этическое оправдание такого действия, а необходимость все более развивает идею долженствования (появляется форма *долженъ*) — усиливается необходимость, явленная согласно чужой воле» [Колесов 2005: 635].

Модальность долженствования, выраженная лексически — словом *должен*, не часто обнаруживается в деловых текстах — будь то современный официально-деловой текст, в котором более частотно слово *обязан* (ср. *права и обязанности*)³, например: «При составлении текста в виде анкеты наименования признаков характеризуемого объекта *должны* быть выражены именем существительным

¹ В «Большой энциклопедии» 1902 г. отмечается: «Долг — в этике называется всякое действие, которое, среди какого-либо человеческого общества, признано обязательным и неизбежным. Поэтому самая сущность долга исключает вопрос «Зачем?», и долг является как «категорический императив», как приказ или запрет, требующий безусловного повиновения. Сознание долга определяется как продукт нравственного развития человеческого общества и прививается путем воспитания» [Большая энциклопедия 1902].

² Содержание категории желательности в древнерусском языке, по В. В. Колесову, — «открытость поведения в среде равных», категории возможности — перевод волеизъявления «в план потенциальности» [Колесов 2005: 635].

³ Слово *обязан* современными носителями языка воспринимается как более «сильное» в сравнении с *должен*. Один из примеров — прозвучавшая на «Радио России» 11.09.2004 реклама: «Витамины *не должны*, а *просто обязаны* быть в аптечке...». Этот пример снимает предположение о том, что употребление *должен* в современном языке не зависит от одушевленности / неодушевленности объекта, в то время как *обязан* употребляется в контекстах одушевленного объекта.

в именительном падеже...» [ГОСТ]⁴ или древний исторический источник, например, старшая из сохранившихся грамот Древней Руси — грамота князя Мстислава, около 1130 г.: «...то въ тѣмъ дѣлѣни кѣмъ молити за ны в[ог]а» [Хрестоматия 1999: 40]. Этот же пример приводится как один из первых в словарной статье *Дѣлѣни* «Материалов к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского к третьему значению слова — ‘обязанный’ [Срезневский 1989]. Однако примеры, подобные последнему (*должны молить* или *должен есть показати духовную любовь*), отличающиеся сочетаемостью с лексикой высокой и церковной семантики⁵, и в современных деловых текстах, и в истории языка зафиксированы значительно реже, чем случаи волеизъявления-долженствования, выраженного инфинитивной предикативной частью в структуре сложноподчиненного условно-следственного предложения. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» третье значение слова *должный* — обычно в краткой форме — ‘обязанный (что-либо делать)’, в «Словаре русского языка XVIII века» — тоже третье значение, краткая форма, предикат с инфинитивом — ‘обязан (сделать что-либо)’, а также ‘вынужден, принужден (сделать что-либо)’ [Словарь... XVIII в., 1991].

В документах XIII в. синтаксический оборот, «учитывающий» состояние потенциального деятеля (который *может* или *не может* выполнить чужую волю), включает в себя глагол *имати*: «... Коузма и Илна с любовию же и с ласкою что имоути молвити» (Грамота Новгородского князя Андрея Александровича 1294 г.) [Хрестоматия 1999: 69], в грамматическом отношении рассматриваемый как вспомогательный для образования форм будущего времени. И. И. Срезневский приводит одно из значений (последнее в списке возможных) глагола *имѣти*: ‘*быть в состоянии*’. «Словарь русского языка XI-XVII вв.» среди шести значений *имѣти* не указывает синонимичного к *должен* [Словарь 1979]. «Словарь древнерусского языка» Р. И. Аванесова пятым называет значение (в сочетании с инфинитивом) ‘*мочь, быть в состоянии*’ [Словарь... 1991].

Принципиально важной для исследования вопроса об истории и становлении современного языкового выражения модальности долженствования является смена принципиальной модели *инфинитив*→*имею* + *инфинитив*→*должен* + *инфинитив*, т. е. лексикализация значения долженствования, произошедшая в XVIII в. По мнению В. В. Колесова, «важность модальностей подчеркивает наличие основной модальности в каждый исторический момент. Некоторые исследователи полагают, что исторически происходила смена модальностей бытия, в которых осуществлял свою деятельность средневековый человек: из реальной модальности *быть* в последовательность *хочу*→*могу*→*должен*» [Колесов 2005: 636].

На региональном материале, в достаточно случайной выборке рукописных деловых текстов тюменской провинции зафиксированы обе конструкции [Трофимова 2002: 637, 654-655]. Ниже в таблице приведем отдельные зафиксированные в этом издании минимальные контексты употребления лексем *должен* и *имею* в позиции сказуемого в сочетании с инфинитивом (табл. 1).

⁴ Представляется в то же время, что слово *должен* сегодня имеет тенденцию к употреблению в текстах со значительной долей публицистичности, подчеркнутого гражданского пафоса; см., например, опубликованный в качестве образца текст Обращения Тюменской областной Думы от 14 февраля 2002 г.: «Во имя наших детей и внуков мы должны приложить все усилия, чтобы остановить этот беспредел» [Требования к оформлению законов Тюменской области, постановлений областной Думы. Тюмень, 2002. С. 41].

⁵ В «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко 1900 г. нет существительного *долг*, есть лишь форма прилагательного *долженѣишии* в значении ‘виновнейший’ [Полный... словарь 1993].

Жанр, год, № текста в издании	Должен + инфинитив	Имею + инфинитив
Челобитная, 1762, № 334		а ежели в том будут чинить запирательство, то на обличение их при улике <u>имею представить</u> вышеписанных десятника Булатова и бухаретина Сафарова во свидетельство
Письмо, 1764, № 172		за которого и <u>имею</u> я, Непряхин, <u>заплатить</u> ему, Колову, в число оных состоящих на нем, Воинове, денег семь рублей
Копия с определения, 1766, № 139		Тогда де о положении оной в оброк <u>имеет</u> особым прошением <u>объявить</u>
Ведомость 1766, № 8		чего ради оной <u>имеет быть</u> (...) <u>послан</u> в Tobolsk в Сибирскую губернскую канцелярию за караулом
Предложение, 1766, № 196	в самоличное я и свидетельство, что до дел и архив касается, <u>вступить должен буду</u>	
Указ, 1767, № 320		того ради Тюменская канцелярия <u>имеет приложить старание</u>
Допрос, 1768, № 40		для продажи хлеба будет в город, то и <u>явитца</u> к нему, Шабину, <u>имеет неотменно</u>
Приказ, 1776, № 199	в караулы и разсылки <u>должен</u> ты <u>представлять</u> по очереди собою	
Приказ, 1777, № 200		Получа сей приказ, <u>имеешь</u> ты той дрвни жителям (...) со оногo покосу травы косить <u>запретить и не допускать</u>
Промемория 1778, № 214	а как скоро лед пройдет, то и перевоз <u>должен быть</u>	
Промемория, 1780, № 218		Казачья сына Николая Романова, которой следует ко отправлению в Tobolsk, <u>имеет</u> здешная канцелярия <u>прислать</u> в тое коменданскую канцелярию
Объявление, 1787, № 112		<u>Подждать</u> <u>имею</u> милостивой резолюции
Объявление, 1789, № 121		Докуда он в том училище находитца будет, по то время <u>имею</u> во оное по окончании каждого года <u>платить</u> по пятидесят копеек
Протокол, 1790, № 231	Сей городской сиротский суд <u>должен</u> по представлению опекунов со своим мнением <u>доложить</u> губернскому магистрату	
Объяснение, 1790, № 126		без отпеву по церковному чиноположению погребения при деревне Борковской чинить не будет, а <u>отвозить</u> <u>имеет</u> в село Созоновское
Подписка, 1792, № 190	он желает поселитца Тюменской округи Успенской волости в село Успенское, где и пашенную землю, и сенной покос <u>принять должен</u>	
Протокол, 1792, № 232	по точным словам высочайшаго учреждения <u>быть должны</u>	
Рапорт, 1792, № 261		<u>Имею ожидать</u> в резолюцию от сего правления предписания

Анализ материалов приводит к следующим выводам. Из 347 опубликованных документов в 15 текстах (с 1766 по 1796 гг.) отмечено сочетание с *должен* (в структуре сказуемого со значением 1, 2 и 3-го лица), в 22 текстах (с 1762 по 1795 гг.) — с *имею* (*имеешь*, *имеет*). Любопытно следующее:

во-первых, в подавляющем большинстве случаев *объект волеизъявления является субъектом потенциального действия*, причем субъект как персонифицированный (в тексте представлен чаще в форме 1-го лица), так и коллективный (воеводская канцелярия, сиротский суд); неодушевленное существительное зафиксировано в сочетании с *должен* (*перевоз должен быть*); *объект потенциального действия* зафиксирован в сочетании с *имеет* (*имеет быть послан*);

во-вторых, обе конструкции активно представлены в документах одного и того же синхронного среза;

в-третьих, эти конструкции в структуре текста большинства жанров оказались «взаимоисключающими» (табл. 2).

Таблица 2

1. Жанры «имею» (10)	2. Жанры «должен» (8)
челобитная, ведомость, копия с определения, допрос, реверс, объявление, просьба, рапорт, объяснение, кондиции	предложение, копия с присяги, сообщение, контракт, обязательство, условие, протокол, поручная запись

Третья группа представлена документами 6 жанров: обе конструкции зафиксированы в разных текстах писем, указов, приказов, промеморий, подписок и договоров. Интересным представляется и тот факт, продемонстрированный сводной таблицей, что в одном и том же тексте эти конструкции не могут быть использованы одновременно.

Обратим внимание на то, что *жанры «имею»* — это чаще документы, фиксирующие устную речь просителей, не имеющих опыта построения письменных текстов, т. е. документы, абстрактный формуляр которых допускает большую свободу языковых средств выражения, в зависимости от реальных экстралингвистических условий коммуникации. *Жанры «должен»* — это, во-первых, документы «бланочного характера» (обязательство, условие, контракт, копия с присяги, поручная запись, протокол); преобладающая текстовая часть их переписывается из документа в документ, так как в основе документов — образец, утвержденный в высших, в первую очередь, столичных инстанциях. Во-вторых, это письменные речевые произведения адресантов — должностных лиц, имеющих практику деловой коммуникации по линии «столица-провинция» в активном и пассивном аспектах (предложение, сообщение).

Обе конструкции зафиксированы в текстах писем, указов, приказов (инициативных документов с персонифицированным адресантом, как правило — высшим должностным лицом), промеморий (вторичных внутриканцелярских текстов с коллективным адресантом, создаваемых исключительно для делопроизводственных нужд), подписок и договоров (это максимально трафаретные документы, в тексты которых субъект воли чаще всего вписывает — или с его слов записывают — свои индивидуальные данные). Это те деловые тексты, в которых совмещается реализация личных интенций волеизъявителя и довлеющий над текстом, следовательно, и над его автором образец.

В. И. Даль указывает в своем словаре, что конструкция с глаголом *иметь* «в функции вспомогательного глагола с неопределенным наклонением означает будущее», и в то же время что «все эти, чужие нам, книжные и приказные обороты выходят из обычая» [Даль 1982: 43]. На этом фоне любопытно еще раз обратить внимание на жанровое распределение анализируемых конструкций: жанры «имею» во второй половине XVIII в. в тюменской провинции сохраняют народно-разговорную лексико-грамматическую основу текста, жанры «должен» являются по сути книжными текстами.

В дополнение к ранее опубликованному материалу приведем еще два источника одного и той же жанра — рапорты 1787 и 1796 гг. При публикации сохраняем графику (за исключением непоследовательного в оригинале употребления прописных букв),

орфографию (кроме отдельных случаев слитного написания предлогов и союзов со знаменательным словом) и пунктуацию оригинала; надстрочные (выносные) буквы передаем *курсивом*.

1. «В Тюменское городническое правление подлѣкаря Берникова
рапортъ

Какъ небызвѣстно оному правлению что я по указу Тоболскаго намѣстническаго правления командированъ на случай, для ползования здѣшняго города ꙗ округи воинскихъ чиновъ ꙗ разнаго звания согражданъ, такъже ꙗ в Туринске городѣ ꙗ его округе ветренною язвою одержимыхъ болныхъ; в такомъ случае онаго правления прошу чрезъ сие знаниемъ не оставить, естли такого роду одержимы болезнию болные или нѣтъ, ꙗбо я долженъ по силе указа ꙗ Туринской городъ съ его округой обозреть о чемъ от онаго правления сведения ожидаю: /

Подлѣкарь Сава Берниковъ

Ч 7 июля 1787 года» [ГАТО. Ф.И-3. Оп. 1. Д. 191. Л. 519].

2. «В Тюменскую комендантскую канцелярию секундъ майора Срывкова
рапортъ

В силе данного ꙗз онай канцеляріи сего мая 21 ч приказу ѡставленные в Тюмене ружья сумы с патроны и протѣчїе ружейные вѣщї; на находящихся в Успѣнскомъ заводѣ воинскихъ служителей всево дватцети одного сего жъ мѣца с нарочно командированнымъ унтеръ офицеромъ от меня съ Пономаревымъ⁶ отправлены быть ꙗмеютъ; того ради тюменская комендантская канцелярія соблаговолить откол надлежитъ подъ звозъ тѣхъ ружейныхъ вѣщей вытребовать двѣ подводы с проводниками бѣзъ прогоновъ; чѣго имѣю ожидать⁷

Секунтъ майор Михаил Срывковъ

Маия 24го дня 1796 года» [ГАТО. Ф.И-6. Оп. 1. Д. 25. Л. 329, 329 об.].

Глагол *иметь* в XVIII в. относился к глаголам, «обладающим в конце XVII — начале XVIII в. наибольшей валентностью» и в области сочетания «с широким кругом существительных разных семантических групп» [Филиппова 1968: 11], и в области глагольной сочетаемости. Н. Ю. Шведова, опираясь на исследования Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, отмечает, что «в официальной и торжественной речи, в деловых описаниях в XVIII в. довольно широко употреблялся в сочетании с субъектным инфинитивом глагол *иметь* для обозначения долженствования, предстояния. По единодушному мнению исследователей, такое употребление было внесено в русский язык извне, вероятно — из польского языка, и никак не было связано со старыми русским сочетаниями «*иму* + инфинитив» [Очерки... 1964: 235]. Польскую версию поддерживают В. Ф. Асоченская и Л. Н. Шердакова [Шердакова 1963: 249] (в современном польском языке глагол *mieć* «в сочетании с неопределенной формой глагола означает а) долженствование, например, *masz to zrobić do jutra* — ты это должен сделать до завтра; б) предположительность *mieli wczoraj przyjechać* — они должны были вчера приехать»). Обратим внимание, что авторы не говорят о жанровой детерминированности сочетаний *иметь* + *инфинитив* в деловых контекстах XVIII в.; тюменские же материалы, как показывают результаты анализа, заставляют поставить вопрос о существовании такой корреляции.

Таким образом на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, отвечаем утвердительно: в тюменских скорописных материалах второй половины XVIII в. это стилистические (жанрообразующие) синонимы.

⁶ Слово вписано между строк.

⁷ Подпись далее новым почерком.

1. Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 8.
2. ГОСТ Р 6.30–97.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2.
4. Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005.
5. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть 1. М., 1999.
6. Очерки по исторической грамматике русского языка. Изменения в системе простого и осложненного предложения М., 1964.
7. Полный церковно-славянский словарь. Протоиерей Г. Дьяченко. М., 1993 (Репр. воспроизв. 1900).
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6.
10. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6.
11. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 1.
12. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002.
13. Филиппова В. М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (устойчивые глагольно-именные сочетания) // Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1968.
14. Шердакова Л. Н. Конструкция «иметь + инфинитив» в языке дипломатических актов конца XVII — начала XVIII в. // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1963. Т. 248.

А. Ю. Уфукова, г. Тюмень

ЖАРГОННАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ ТЮМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Региональный компонент в речи молодежи как один из источников пополнения русского общего жаргона изучен слабо: «Дезидерантом остается изучение межславянских и трансевропейских связей русской жаргонной системы, глубинное её историко-этимологическое исследование, комплексное социолингвистическое и региональное описание...» [Мокиенко 2000: 5].

Попытка описания регионального компонента в жаргонной речи молодежи была предпринята А. И. Марочкиным в диссертационной работе «Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона» (на материале речи молодежи г. Воронежа) [Марочкин 1998: 4], в диссертации Н. В. Хорошевой «Промежуточные формы городской разговорной речи» [Хорошева 1998: 18], в работе О. М. Окуневой «Лексика военного жаргона» (на материале песенного городского жаргона г. Тюмень [Окунева 2001: 57–58] и др. Мы считаем возможным продолжить изучение данной проблемы на примере речи современной тюменской молодежи, выявляя семантику, функционирование и источники пополнения молодежного жаргона.

В 2005–2006 гг. с целью исследования регионального компонента в жаргонной речи молодежи в г. Тюмени было проведено анкетирование среди учащихся школ (школы № 26, 57, 38 и др.), студентов ТюмГУ, курсантов Тюменского высшего военно-инженерного командного училища и др. Анкета представляла собой ряд вопросов: